

Малов Евфимий Александрович

**Миссионерство среди
мухаммедан и крещеных
татар**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е27

Е27 **Евфимий Александрович М.**
Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар / Малов Евфимий
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 464 с.

ISBN 978-5-519-95092-3

ISBN 978-5-519-95092-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ СРЕДИ МУСУЛЬМАНЪ ¹⁾.

У казанскихъ татаръ-мусульманъ бываетъ во время лѣта народный праздникъ, извѣстный подъ именемъ „джинъ“. Онъ не имѣетъ никакого религіознаго значенія и, по всей вѣроятности, обязанъ своимъ происхожденіемъ еще язычеству финскимъ племенамъ. Въ Казани и ея окрестностяхъ джинъ празднуется не въ одно время. Для деревень татарскихъ онъ составляетъ что-то переходное. Начавшись въ Казани въ извѣстную пятницу и продолжаясь три дня, джинъ съ наступленіемъ другой пятницы переходитъ уже въ извѣстную деревню, которая, отпраздновавши его, уступаетъ, въ свою очередь, эту честь другимъ деревнямъ. Первый деревенскій джинъ (въ казанскомъ уѣздѣ) называется ямапирминскимъ (по деревнѣ), 2) зункуакъ, 3) адъ яръ, 4) кызыль яръ. 5) сярда джинны, 6) мохшы джинны, 7) кишитъ джинны, 8) шимбиръ джинны, 9) бикъ тау (по мѣстности, такъ какъ собраніе бываетъ на высокой горѣ въ роцѣ), 10) кабакъ джинъ; потому что на этомъ послѣднемъ джинѣ выпивается татарами очень много вина. Джинъ, начавшись нынѣ въ Казани еще въ маѣ, перешелъ къ 12 числу іюня въ тѣ деревни, которыя празднуютъ джинъ кызыль яръ. Сюда же

¹⁾ Изъ духовнаго журнала: «Руководство для Сельскихъ Пастырей». Т. III. Кіевъ 1864 года.

принадлежитъ и деревня Улуязъ (по русскому названію Юлазы). Такимъ образомъ джіинъ празднуется не одною деревнею, а многими въ одинъ разъ, такъ что нѣкоторые джіины празднуются больше чѣмъ 10-ю деревнями, напр. 9-й и 10-й. На джіинъ къ деревенскимъ жителямъ собираются ихъ родные изъ города Казани и другихъ деревень, такъ что деревни, коими празднуется джіинъ, вполне оживляются, принимаютъ праздничный видъ. Послѣ обѣда, въ пятницу, татары отправляются въ кибиткахъ, большею частью, съ своими женами въ поле на джіинъ, т. е. въ собраніе. Здѣсь бывають игры, борьба, пѣсни, бѣги. Люди молодые поютъ и пляшутъ, женскій полъ лакомится различными сластями, которыя продаются здѣсь же. Впрочемъ надобно замѣтить, что прекрасный полъ находится на джіинѣ въ кибиткахъ, откуда дѣвушки высматривають себѣ жениховъ, которые въ свою очередь высматривають невѣстъ. Разумѣется, на джіинъ собираются большею частию люди молодые; престарѣлые, муллы и благочестивые туда не ходятъ. Въ субботу и воскресенье мусульмане празднуютъ дома. На уликахъ съ утра до вечера вы увидите путешествующихъ татаръ, иногда даже съ своими женами-хатунами. Молодые люди днемъ разъѣзжають по деревнѣ на лошадяхъ, заложенныхъ большею частию въ кибитки. Лошади несутся; молодежь покрикиваетъ; одинъ бьетъ въ ладоши, другой наигрываетъ въ скрипку. Къ вечеру вы услышите въ домахъ татарскую пѣсню, большею частию съ заунывнымъ однообразнымъ мотивомъ; или же молодые люди собираются толпою, идутъ по деревнѣ, поютъ, играютъ на скрипкѣ и прихлопываютъ въ ладоши.

Еще въ первыхъ числахъ іюня ко мнѣ приходилъ мой знакомецъ изъ татаръ-мусульманъ, старикъ Сагидъ, изъ деревни Улүязъ казанскаго уѣзда, и просилъ меня приготовляться къ поѣздкѣ на ихъ деревенскій праздникъ. Вечеромъ 10 іюня Сагидъ снова пришелъ ко мнѣ въ квартиру и почти настоятельно просилъ собираться въ деревню, обѣщаясь утромъ заѣхать за мной. Отблагодаривши Сагида за приглашеніе и отпустивши его, я началъ серьезно думать о поѣздкѣ. Приглашаетъ меня къ себѣ, думалъ я, человекъ почтенныхъ уже лѣтъ и при томъ пользующійся въ своей деревнѣ авторитетомъ грамотнаго и умнаго, какъ передавалъ мнѣ другой улүязскій татаринъ Сидтыкъ Аптыкѣевъ. Отъ чего же не воспользоваться расположеніемъ Сагида? Отъ чего же не ѣхать въ Улүязъ? Время у меня было свободное. Пользуясь такими обстоятельствами, я рѣшилъ отправиться съ Сагидомъ и взглянуть на деревенскую жизнь татаръ-мусульманъ, надѣясь что-либо узнать о религіозно-нравственной ихъ жизни, или же говорить съ ними о предметахъ религіи.

На другой день, около 11 часовъ, Сагидъ уже явился за мной. На скорую руку собрался я не въ дальній путь. Кромѣ самаго малаго количества денегъ, я взялъ съ собою нѣсколько книгъ, а именно: Коранъ въ арабскомъ подлинникѣ, русскій переводъ Корана Колмакова, Новый Завѣтъ и вновь изданные переводы на народный татарскій языкъ букваря, книги Бытія и Премудрости Іисуса Сына Сирахова, и бумаги для записокъ. Помолившись Богу, я вышелъ изъ квартиры. У крыльца стояла небольшая лошадка, запряженная въ деревенскую тележоночку, устроенную почти кое-какъ.

На телегѣ сидѣлъ маленький Мурза Хабибуллинъ, внукъ Сагида порядочно говорившій по русски.

Дорога намъ лежала по большому сибирскому тракту, коимъ мнѣ еще не случалось проѣзжать.

Не много пришлось проѣхать, какъ Сагидъ принялъ уже роль учителя. И странное дѣло: татары хотя и считаютъ васъ человѣкомъ знающимъ грамоту, но непремѣнно начнутъ интересоваться васъ своими „азами“. Съ великимъ терпѣніемъ я выслушалъ алифъ, би, ти, си... и проч. до послѣдней буквы татарскаго алфавита. За тѣмъ Сагидъ подъ-рядъ читалъ изъ дѣтской книжки „шарайтуль-иманъ“ „Калиматунъ тайибатунъ“ и проч. Когда Сагидъ кончилъ калиматы, я сказалъ ему, что все это давно уже мнѣ извѣстно, что у меня и самая книга „шарайтуль-иманъ“ имѣется. Мнѣ было скучно. Сагидъ затянулъ на-распѣвъ нѣкоторые стихи изъ Корана. Онъ пропѣлъ „альхамдъ“, или первую суру (главу) Корана, пять строкъ 2-й суры и еще нѣкоторые отрывочные стихи изъ другихъ ему извѣстныхъ главъ и чаще употребляющихся при намазахъ, или молитвахъ въ мечетяхъ. Когда Сагидъ кончилъ пѣніе, я попросилъ было его передать мнѣ по татарски пять строкъ арабскаго текста Корана (изъ 2-й суры); но оказалось, что Сагидъ, какъ и многіе другіе грамотники мусульманскіе, не говоря уже о неграмотныхъ, почти ничего не знаютъ по арабски. Онъ читаетъ и поетъ стихи изъ Корана безсознательно. Онъ не могъ перевести на татарскій языкъ даже строки. Ему извѣстны были по значенію только слова, самыя, можно сказать, употребительныя. Но такихъ словъ очень немного. Въ

пѣвучемъ чтеніи своемъ Сагидъ выражалъ не мало не-притворнаго благоговѣнія.

Мы ѣхали лѣсомъ, и Сагидъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: лѣсъ—это манеръ рая, который ожидаетъ вѣру-ющихъ-мусульманъ, а зима-манеръ муки адской. (По всей вѣроятности, изъ приличія Сагидъ не добавилъ, что это-де для васъ кяфировъ, невѣрующихъ). И, не дожидаясь никакихъ мнѣній съ моей стороны, Сагидъ снова продолжалъ пѣвучее чтеніе Корана. Теперь онъ началъ свое чтеніе, какъ и прежде, словами: аузю бил-ляги минашшайтани раджѣмъ ¹⁾; потомъ тихо прокричалъ „азанъ“ и замѣтилъ мнѣ, что тотъ муэzzинъ, который прокричитъ три года азанъ съ минарета мечети, по смерти не подвергается тлѣнію. „Мулла и то гніетъ, выразительно говорилъ Сагидъ, а муэzzинъ не гніетъ“.—Это кто тебѣ рассказывалъ подобныя вещи? спросилъ я. „У насъ такъ говорятъ“, отвѣчалъ онъ.—А ты видѣлъ-ли хотя одно нетлѣнное тѣло муэzzина? спросилъ я Сагиду. Отвѣтъ его былъ отрицательный.—Не всему слѣдуетъ вѣрить, что говорится темными людьми, сказалъ я. Лучше надобно подумать: нетлѣніе тѣла, какъ свидѣтельство Божьяго благоволенія, какъ свидѣтельство праведности человѣка передъ Богомъ, можетъ-ли быть слѣдствіемъ одного лишь трехгодичнаго прохожденія должности азанчея, или муэzzина? Другой, пожалуй, пять-шесть лѣтъ кричитъ азанъ, но все же тѣло его сгніетъ. Если ты хочешь знать, Сагидъ, о нетлѣнныхъ тѣлахъ, то можешь спросить въ

¹⁾ Прибѣгаю подъ покровительство Божіе отъ сатаны, побиваемаго камнями.

Казани всякаго русскаго о св. останкахъ нетлѣнныхъ тѣлъ святителей Гурія и Варсонофія. Это были люди вполне достойные Божіей милости; они были святые. Св. Гурій былъ первымъ архіереемъ въ Казани, а св. Варсонофій архимандритомъ. Тѣла ихъ нетлѣнны. Останки этихъ тѣлъ всякій казанскій православный христіанинъ видѣлъ и цѣловалъ. А нетлѣнныхъ тѣлъ вашихъ муэззиновъ не только русскіе, даже и сами мусульмане никогда и нигдѣ не видали. А у насъ, не въ одной Казани, а и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи очень много нетлѣнныхъ мощей православныхъ христіанъ всякаго званія. Не далеко отъ Казани, въ г. Свіяжскѣ, православные христіане лобызаютъ нетлѣнные останки св. Германа, бывшаго вторымъ архіереемъ въ Казани. Разговоръ о св. мощахъ закончился тѣмъ, что на вопросъ: знали-ли Сагидъ о мощахъ святителей Гурія и Варсонофія,—онъ отвѣчалъ отрицательно.

Мы подъѣхали къ болоту, на окраинѣ дорожнаго лѣса, чтобы напоить лошадей. Въ лѣсу кричала кукушка. Это кричитъ „падша кызы“, сказалъ Сагидъ. На мой вопросъ о причинѣ такого названія кукушки, Сагидъ разсказалъ слѣдующее. Въ прежнее время былъ одинъ государь. У него была въ горницѣ одна только дочь и еще какая-то птичка. Когда дочь царская достигла совершеннолѣтія, ея отецъ созывалъ къ себѣ, со всего своего государства молодыхъ людей и объявлялъ, что дочь свою онъ выдастъ за того, на гулову котораго сядетъ его домашняя птичка. Въ то время выходилъ изъ моря духъ-пѣри и подъ видомъ безобразнаго и больнаго молодого человѣка ходилъ по улицамъ того города, гдѣ провозглашалось приглашеніе.

Скоро молодые люди собрались. Царь велѣлъ позвать и безобразника, не зная ничего о его происхожденіи. Когда начался вечеръ и молодые люди плясали, птичка сѣла на голову безобразнаго господина. Все собраніе негодовало. Царь предложилъ вторично тоже самое условіе. Повторилась таже исторія. Наконецъ Государь въ третій разъ повторяетъ свое условіе и даетъ клятву предъ своими высокими посѣтителами, что „если и теперь птичка сядетъ на голову этаго жалкаго человѣка, то значитъ, такова судьба моей дочери! Я отдамъ ее за него“. Молодые люди начали плясать. Не долго гостямъ пришлось ждать рѣшенія участи царской дочери: птичка опять сѣла на голову безобразнаго,—и онъ былъ повѣнчанъ на царской дочери, къ изумленію и непріятности для всѣхъ. Царь облагодразилъ нѣсколько своего зятя и нарядилъ его въ лучшія одежды. Послѣ пиршества зять царя говоритъ своей молодой женѣ, чтобы она собиралась ѣхать къ нему. Когда она была готова, счастливый мужъ велѣлъ подавать лошадей. Потомъ они оба сѣли въ карету и отправились къ берегу моря. Здѣсь карета остановилась, и мужъ, поцѣловавъ свою жену, какъ всегдашній житель моря, нырнулъ въ глубину и былъ таковъ.... Слухъ объ этомъ несчастномъ событіи скоро достигъ до царя, который отрядилъ всѣ свои войска къ морю; чтобы стрѣлять въ воду и убить хитраго зятя. Но во время самой осады, такъ сказать, моря вдругъ перилывается на поверхности воды, весь въ золотѣ и изумрудахъ; лице его было до того прекрасно, что всѣ удивлялись. Царская дочь теперь увидала его въ послѣдній разъ.... Онъ снова нырнулъ въ бездну и уже

не показывался болѣе. Царская дочь пришла въ такое состояніе испуга, что вдругъ, сказавши раза-два три: ухъ! ухъ! обратилась въ птицу и вылетѣла изъ окна кареты, въ которой ѣхала вмѣстѣ съ мужемъ. Съ той поры, добавлялъ Сагидъ, она все и горюетъ о своемъ мужѣ и кричитъ: ухъ! ухъ! Отъ того и получила свое названіе „падша кызы“ дочь царская.

Мы, конечно, не занесли бы этого разговора въ свои замѣтки, если бы Сагидъ передалъ намъ его, какъ сказку. Но нѣтъ, онъ вѣрилъ въ дѣйствительность всей этой басни и даже удивлялся тому, какія были тогда времена... люди обращались въ птицъ.... Большаго труда стоило разубѣдить старика Сагида въ такомъ вѣрованіи. Рядомъ очевидныхъ и наглядныхъ доказательствъ я довелъ его до согласія съ собою,— и онъ немного понималъ, въ чемъ дѣло. Ему было сказано, что человѣкъ никакъ не можетъ переродиться, или перемѣнить свой человѣческій видъ на другой какой либо. Всѣ существа въ природѣ возникаютъ только отъ сродныхъ съ ними же существъ. Растенія являются отъ сѣмянъ по роду ихъ, животныя плодятся отъ подобныхъ себѣ, птицы выводятся также птицами, люди рождаются отъ людей. Таковъ законъ, данный всемогущимъ Творцемъ при твореніи вселенной. Разговоръ напѣ о кукушкѣ, или дочери царской былъ конченъ. Мы продолжали по тихоньку ѣхать, а между тѣмъ насъ то и дѣло обгоняли татары на парахъ и на тройкахъ. „Это слободскіе ¹⁾ на праздникъ же (джинъ) ѣдутъ“,

¹⁾ Въ Казани татары живутъ за озеромъ Кабаномъ и составляютъ двѣ слободы Старую и Новую.

сообщилъ мнѣ Сагидъ. Въ самомъ дѣлѣ въ проѣзжающихъ все говорило о жителяхъ города. Лошади у нихъ были хорошія, кибитки также. Въ кибиткахъ сидѣло по двѣ и по три женщины-татарки, которыя одѣты были довольно нарядно не по дорожному. Видно было, что онѣ ѣдутъ на праздникъ.— Мужья ихъ торчали или на козлахъ съ кучерами вмѣстѣ, или же кое-какъ по бокамъ кибитокъ. Въ самыхъ кибиткахъ для нихъ не было мѣста: тамъ на перинахъ и огромныхъ длинноватыхъ подушкахъ сидѣли полузакрывшись ихъ жены татарки и придерживали своими руками самовары съ чайнымъ приборомъ. Сзади многихъ кибитокъ прицѣплены были кумганы, или кувшины изъ бѣлой толстой жести, необходимые для татарскихъ омовеній. Вниманіе Сагида остановилось на этихъ кумганахъ. Обогнавшіе насъ татары давно уже скрылись за горой, а Сагидъ все еще напѣвалъ стихи, которые сложены о кумганахъ. Я помѣщаю ихъ здѣсь особенно потому, что въ нихъ видна религіозная идея, возвышающая необходимость омовеній и значеніе самыхъ кумгановъ. Вотъ они въ русскомъ переводѣ:

Я взялъ кумганъ въ руки свои
И вступилъ на дорогу Божію.
Тѣ, кои не берутъ кувшина,
Упадутъ на дно адово;
Дно адово ужасно.
Души ихъ попадутъ въ огонь,
Они опьянѣютъ отъ печали;
Лица ихъ будутъ красны,
Какъ весенній цвѣтокъ.

Адъ придетъ
И, отверзши свою пасть,
Бросится на нихъ, какъ змѣй.
Если бы не было Мухаммеда—
Любимца Божія,
Никто бы не избавился
И не спасся отъ гибели.

За селомъ „Высокая гора“, или какъ татары называютъ его „Бикъ Тау“, мы снова увидѣли многихъ мусульманъ, опередившихъ было насъ. У рѣки, на травѣ они расположились пить чай. Было не болѣе 12 часовъ. Татары закурили самовары, жены ихъ вышли изъ кибитокъ и раскладывали чайную посуду. Отъѣхавши не много отъ этаго татарскаго табора, вздумали покормить свою лошадку и мы. И здѣсь-то, когда Сагидъ пустилъ лошадь на траву, а потомъ также на травѣ прилежъ со мной, я понялъ, почему Сагиду непремѣнно хотѣлось, чтобы я взялъ съ собой и самоваръ. Ему, вѣроятно, желательно было напиться чаю на дорогѣ, по примѣру другихъ, но мнѣ брать съ собой самовара ужасно не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что Сагидъ сказалъ мнѣ, что дома у него и самоваръ есть. Не много полежавши безъ разговоровъ, Сагидъ обратился ко мнѣ и вкороткѣ передалъ мнѣ нѣсколько событій изъ жизни Мухаммеда. „Ангелы Божіи, говорилъ Сагидъ, открывали грудь Мухаммеда ¹⁾), когда онъ еще былъ не большой и выдавили изъ его сердца черную

¹⁾ На это есть намекъ въ ХСIV главѣ Корана, гдѣ говорится: не открывали-ли мы твоей груди? Но здѣсь фигуральная рѣчь о сердцѣ, расположенномъ къ чему либо.